

ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 330.1

ПОЛИТИКО–ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИСЛЕДОВАНИЕ СУЩНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

С.Ю. СОЛОДОВНИКОВ

*Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь*

Мир в начале XXI века кардинальным образом изменился. И дело не только в нарушении геополитических равновесий, формировании однополярного мира и усилении борьбы за все виды ресурсов, но и в том, что человечество начинает по-новому смотреть на цели и критерии общественного прогресса. Естественно, что такие глобальные цивилизационные трансформации нашли свое отражение и в эволюции предмета экономической теории. Постепенно, сначала исподволь, а потом и все более явно, уже к концу прошлого века, на смену узкоэкономическим концепциям, рассматривающим социальные факторы как дополнительные транзакционные издержки, а государство как «невидимую» или «грабящую» руку рынка, приходят социально–институциональные концепции, позволяющие увидеть в социальных экономических отношениях основу функционирования любой национальной экономической модели. Формируется понимание государства как сложного общественного и социально–экономического феномена, выполняющего роль конфигуратора современного рынка.

Сегодня невозможно понять феномен становления и развития постсоветских стран без учета целого комплекса институциональных, политических и исторических факторов. В связи с этим в отечественной политической экономике возникает гносеологическая необходимость осмысления такого важнейшего фактора экономического роста как социальный капитал общества.

В настоящее время в обществоведении появилось большое количество новых понятий, при формулировании которых используется такая экономическая категория, как «капитал». Этот гносеологически позитивный процесс, свидетельствующий, помимо прочего, о продолжающейся конвергенции социальных наук, заставляет ученых экономистов не только попытаться еще раз уточнить категорию «капитал», но и включить в предметную область экономической теории исследование таких «пограничных» общественных феноменов, как социальный, административный, политический, культурный и символический капиталы. Вместе с тем, автор солидарен с исследователями, которые в своих исследованиях исходят (или исходили) из признания определяющей роли в экономической системе общества экономического капитала, по сравнению с другими капиталами, или, в терминологии Пьера Бурдьё, полей. В частности, названный автор отмечал, что хозяйственная жизнь является той областью, в которой «экономическое поле стремится навязать свою структуру другим полям» [1; с. 57] и что «...экономический капитал образует основу всех других форм капитала. И хотя последние полностью к нему не сводятся, они оказывают свое воздействие лишь в той мере, в какой скрывают наличие в своей основе экономического капитала, которые желают оставаться неузнанным» [12; с. 106]. Аналогичной точки зрения придерживается и В.В. Радаев, который указывает: «Каждый капитал стремится к доминированию, однако среди всех перечисленных форм экономический капитал по праву занимает центральное место» [8; с. 29], поскольку «во–первых, логически он наиболее близок своему изначальному политико–экономическому понятию» [8; с. 29]. Во–вторых, хозяйственная жизнь является той областью, в которой экономический капитал (включающий в своем объективированном состоянии денежный капитал или финансовые средства, производственный капитал или средства производства, товарный капитал или готовые продукты) стремится навязать свою форму другим социальным отношениям. «И, в–третьих, на эмпирическом уровне параметры экономического капитала, как правило, коррелируют со многими параметрами, обозначающими количество и качество прочих ресурсов» [8; с. 29]. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что автор полностью согласен с исследователями,

считающими, что «...при сведении всей совокупности ресурсов к экономическому капиталу понимание хозяйственного процесса становится невозможным» [8; с. 29].

Начиная с 90-х годов прошлого века, в обществоведении активно обсуждается такая форма капитала, как социальный капитал [11]. Р. Патнем – один из авторов, определивший направление дискуссии о социальном капитале, определил социальный капитал как «... характеристики социальной жизни – сети, нормы и доверие, – которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей» [17; с. 66]. Дж. Коулман отмечает, что эта форма капитала связана с установлением и поддержанием связей с другими хозяйственными агентами. Социальный капитал, по его мнению, – это совокупность отношений, порождающих действия. Эти отношения связаны с ожиданиями того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций [5; 14]. Эта одновременная концентрация ожиданий и обязательств выражается обобщающим понятием *доверия* [trust]. Чем больше обязательств накоплено в данном сообществе, тем выше «вера в реципрокность», или взаимность [reciprocity] и, следовательно, выше уровень социального капитала [17; с. 66]. Объективированную структурную основу социального капитала, как справедливо отмечает В.В. Радаев, «...формируют *сети социальных связей*, которые используются для транслирования информации, экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения, формирования репутаций. На основе социальных сетей, которые часто имеют тенденцию к относительной замкнутости, складывается институциональная основа социального капитала – принадлежность к определенному *социальному кругу*, или *членство в группе*» [8; с. 27]. Иными словами «социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, которые связаны с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, – то есть членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала [collectively-owned capital]» [12; 102–103]. Вместе с тем, П. Бурдьё подчеркивает, что социальный капитал – это нечто больше, нежели просто сеть групповых связей. Его природа предполагает трансформацию устойчивых отношений, таких как соседство, отношения в коллективе коллег и даже родственные связи, в отношения, являющиеся «необходимыми и выбранными, которые предполагают длительные субъективно-эмоциональные обязательства (чувства благодарности, уважения, дружбы и т.д.)» [13]. Поскольку социальный капитал распределяется между элементарными социальными группами и классами неравномерно, то он выступает в качестве важного фактора воспроизводства социально-классовой структуры общества. Измерение социального капитала, как справедливо отмечают социологи, возможно только через *степень включенности* в те или иные сети, а также через институциональные характеристики самих этих сетей [7].

В настоящее время в качестве первой концептуальной проработки категории социальный капитал, хотя само это понятие и ранее встречалось в научной литературе, справедливо признается публикация статьи Д. Коулмана «Капитал социальный и человеческий». Следует согласиться с российским экономистом И.Е. Дискиным, что «без ознакомления с ней... довольно затруднительно прояснить, ответом на какие проблемы и вызовы экономической теории стала разработка концепции «социального капитала». В свою очередь проникновение в «теоретическую кухню» формирования концепции позволяет глубже понять не только теоретические, но и методологические посылки, без которых участие российских исследований в развитии соответствующей теории будет существенно менее плодотворно» [3]. При этом, исходя из требований, предъявляемых к современной социально-экономической гносеологии, на наш взгляд, следует попытаться дать внутренне не противоречивые определения понятий, использованных Дж. Коулманом при выработке парадигмы социального капитала, как продуктивной интеграции традиционных экономических концепций с социологическими и политологическими построениями. «Такая интеграция, – подчеркивает И.Е. Дискин, – оказалась одним из приоритетных направлений развития экономической теории. Достаточно указать, что в последние годы Нобелевские премии по экономике присуждаются ученым, работающим на стыке экономики и социологии (рациональный выбор и этические элементы, микроэкономика). Вполне отчетливо прослеживаются взаимосвязи «социального капитала», с одной стороны, и институциональной и эволюционной экономиками – с другой. В многочисленных последующих работах, посвященных развитию концепции «социального капитала», эти взаимосвязи получили свое развитие. По существу, «социальный капитал» сегодня прочно встроен в структуру институционального подхода» [7].

Перед тем как приступить к раскрытию понятия социального капитала в статье «Капитал социальный и человеческий» Дж. Коулман отмечает, что «существуют два научных направления, описывающих и объясняющих социальное поведение. Первое, характерное для большинства социологов, рассматривает актора как социализированный элемент, а его поведение – управляемое социальными нормами, правилами и обязательствами... Для представителей другого направления, включающих большинство экономистов, характерен подход к акторам (в данном контексте это синоним понятия субъекты – С.С.) как к лицам, принимающим самостоятельные решения и действующим независимо, руководствуясь собственными интересами» [5; с. 122].

В связи с тем, что оба выделяемых Дж. Коулманом научных направления, описывающих и объясняющих социальное поведение «имеют серьезные недостатки» [5; с. 122], то, по его мнению, необходимо «взять концептуальную основу одного направления и инкорпорировать в нее элементы другого, не нарушая общей структуры» [5; с. 123]. При этом названный автор преследовал гносеологическую цель, которая заключалась «в использовании экономических принципов рационального поведения в анализе социальных систем, не ограничиваясь рассмотрением экономических систем и выполняя анализ таким образом, чтобы не выпадала социальная организация» [5; с. 123].

«Концепция социального капитала, – отмечает далее Дж. Коулман, – инструмент, который помогает выполнить подобный анализ» [5; с. 123]. Далее он указывает, что «социальный капитал определяется своими функциями. Он включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур, и, во-вторых, облегчают определенные действия акторов (*субъектов* – С.С.) внутри структуры, будь то индивид или корпорация. Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно. Подобно физическому и человеческому капиталу, социальный капитал не подпадает под строгую дефиницию, но он может обладать специфическими особенностями в определенных сферах. Данная форма социального капитала имеет свою ценность в упрощении определенных действий, которая может оказаться бесполезной или даже вредной для других» [5; с. 124]. В отличие от других форм капитала, социальный капитал, пишет Дж. Коулман, «...свойствен структуре связей между акторами (*субъектами* – С.С.) и среди них. Это не зависит ни от самих акторов (*субъектов* – С.С.), ни от средств производства. Более того, организации, преследующие определенные цели, могут быть акторами (так называемый корпоративный актор), так же как и индивид. Связи внутри корпоративных акторов (*субъектов* – С.С.) также могут создавать для них социальный капитал (при этом наиболее известным примером является обмен информацией, которая позволяет устанавливать фиксированные цены в пределах одной отрасли)» [5; с. 124].

Функциональное назначение социального капитала в экономической системе общества, в макро- и микроэкономических системах заключается в оптимизации (снижении транзакционных издержек) взаимодействия субъектов в процессе их хозяйственной деятельности. Социальный капитал еще менее осязаем, чем человеческий капитал, «...поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов. Так же, как физический и человеческий капиталы, – подчеркивает Дж. Коулман, – социальный капитал облегчает производственную деятельность» [5; с. 126]. Как известно, всякое общество является сложным социальным агрегатом, состоящим из совокупности взаимодействующих субъектов, распадающихся не прямо на индивидов, а на два или большее число социальных общностей, которые уже, в свою очередь, разлагаются на индивидов. В основе выделения той или иной социальной структуры лежит функциональная или причинная связь взаимодействующих индивидов. В зависимости от степени интенсивности этой связи возникает возможность существования ряда структур в одной и той же совокупности людей. Характер такой связи будет показывать рядоположность и пересекающееся сосуществование социальных групп. «Степень интенсивности функциональной связи и ее характер, – пишет П.А. Сорокин, – такова основа возможности сосуществования ряда коллективных единств в одном и том же населении» [10; с. 18]. Далее Сорокин указывает, что социальная разновидность процессов взаимодействия или характер связей «... влечет за собой многообразие коллективных единств, образуемых различно комбинирующимися индивидами – с одной стороны, с другой – принадлежность каждого индивида не к одному, а к ряду реальных совокупностей» [10; с. 18]. Именно это многообразие социально-экономических субъектов, порождаемое и воспроизводящееся существующими фор-

мами разделения труда, порождает: во-первых, невозможность экономичного (оптимального) согласования интересов разнообразных субъектов схожей и различной степени интегрированности без использования социального капитала, во-вторых, возможность негативного воздействия на эффективность функционирования экономической системы общества некоторых развитых форм социального капитала в ряде локальных экономических систем и субъектов (например: высокая степень доверия и взаимопонимания между руководством предприятий, совместно обеспечивающих основную долю производства продукции в той или иной отрасли делает возможным монопольное повышение ими цен на свою продукцию без юридического или иного формализованного оформления ими «картельных» соглашений) и, в-третьих, существование в современной социально-ориентированной рыночной экономике механизмов согласования результатов функционирования различных форм социального капитала с целью создания наиболее благоприятных условий для усиления экономической жизнеспособности социума и для обеспечения максимально возможного для данного уровня общественного развития социального равенства.

Социальный ресурс (или потенциал), оформляющийся при определенных условиях в социальный капитал, возник на заре человеческой истории вместе с развитием трудовых отношений, возникновением и углублением разделения труда и порождаемой этим социально-классовой дифференциацией индивидов. Поскольку существование и развитие человеческого общества, обеспечение его материальной базы возможно лишь на основе труда, постольку значительное увеличение численности населения планеты и отдельных регионов за последние десять тысяч лет стало возможным за счет значительного повышения производительности общественного труда, что было обусловлено как инновационными способностями людей и углублением разделения труда, так и совершенствованием различных общественных механизмов согласования интересов все более разнообразных социальных и социально-классовых субъектов, в том числе и за счет развития социального капитала.

Эффективное функционирование трудовых отношений невозможно без использования социального капитала. В свою очередь именно в процессе становления общества разделенного труда формировались такие важнейшие составляющие социального капитала как: обязательства, ожидания и надежность структуры; возможность получения информации с наименьшими издержками; существование норм (включающие в себя альтруистическое поведение в интересах социальной общности) и эффективных санкций; относительная замкнутость и апроприативность (способность кумулятивной или элементарной социальной группы, первоначально созданной для одних целей, или сформировавшейся для оптимизации своих социально-экономических интересов в определенных условиях, по мере выполнения этих целей и/или изменения условий, трансформироваться в группу преследующую другие цели).

Как известно, потребность социального субъекта, детерминированная конкретным видом производственной деятельности, форсирует социальную направленность в овладении определенной суммой знаний и формирование соответствующих идей, взглядов, которые и образуют впоследствии вид общественного сознания, т.е. положение, объективно занимаемое субъектом в системе общественного производства, вынуждает его к определенным действиям с целью закрепления или создания оптимальных условий своей жизнедеятельности, которые рефлексированы в соответствующей форме сознания и социального капитала. Все это способствует формированию при определенных социально-исторических условиях конкретного социального типа личности и адекватных ему форм социального капитала.

Поскольку все социальные группы в обществе взаимодействуют друг с другом и при этом стремятся к наиболее оптимальной реализации своих интересов (прежде всего экономических), то все общество объективно должно распадаться на некие большие группы людей, противостоящих друг другу в зависимости от степени совпадения (противопоставления) их интересов (прежде всего экономических). Что же будет предопределять это совпадение (противопоставление)? На наш взгляд, это все та же возможность одними социальными группами присваивать себе труд других (что зависит от их места и функциональной роли). Для защиты своих экономических интересов происходит стихийное объединение тех и других в социальные классы. Такое объединение выступает в качестве экономической базы образования социальных классов. Р. Дарендорф в работе «Class and class conflict in industrial society» (London, 1957 г.) писал по этому поводу, что «класс – это категория, которая используется при анализе динамики социального конфликта и его струк-

турных корней» [15; с. 65]. Вместе с тем, социальный класс не только экономическое, но и социальное, политическое и духовно–идеологическое образование.

К. Маркс в «Нищете философии» пишет: «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классами по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса сплывается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами» [6; с. 183]. Из данной цитаты ясно видно, что в процессе возникновения и развития социальных классов, по мнению К. Маркса, существует такая форма социальной организации, когда люди, находящиеся в положении, определенном некоторыми критериями (место и роль в системе функционально–трудовых отношений, отношений собственности, управленческих отношений и особые экономические интересы), еще не объединены внутренней связью сознательных (идеологических) отношений, а, лишь, связаны системой субъективных отношений и объективных зависимостей, существующих в рамках производственных отношений. В таком случае мы говорим, что они образуют «класс в себе», который, правда, не является простой совокупностью, поскольку связан системой объективных отношений, но и не представляет еще класса «для себя», т.е. не обладает еще вполне развитым сознанием своих классовых, экономических и политических интересов. Причем объективные классовые интересы отражаются в субъективном классовом сознании отнюдь не зеркально. Осознание своих существенных, истинных интересов, без чего невозможно превращение «класса в себя» в «класс для себя», неизбежно происходит через систему психологических установок, данных предыдущим историческим опытом. Социальный класс может стать «классом для себя», лишь выработав собственную идеологию. На основе всего этого и происходит его организационное оформление. В случае рассмотрения данного подхода с использованием современного понятия социальный капитал, можно констатировать, что превращение социального класса в «класс для себя» неизбежно сопровождается (вызывается?) ростом социального капитала в этой социально–классовой общности.

Отметим, что под влиянием данного положения Маркса о «классе для себя» М. Вебер предлагал разграничивать в социально–классовой структуре «класс» и «социальный класс». Под классом данный автор понимал социальную общность, связанную лишь сходством экономических интересов, «экономического положения» данной категории субъектов. Категорией «социальный класс» М. Вебер показывал, что высшим проявлением классовой общности служит мобилизующая и побуждающая к коллективным действиям осознанность своих классовых экономических и политических интересов и целей [18]. В современной научной лексике это назвали бы возрастанием социального капитала социальной группы.

Классик французской социологии П. Бурдьё (один из признанных специалистов в области изучения социального капитала), также предлагает разграничивать возможные (логические) и реальные социальные классы. Данный автор пишет, что на основании знания экономических и других отношений можно «...вычленив классы в логическом смысле этого слова, т.е. класса как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые, будучи размещены в сходных условиях и подчинены сходным обусловленностям, имеют все шансы для обладания сходными диспозициями и интересами, и, следовательно, для выработки сходной практики и занятия сходных позиций» [2; с. 59]. П. Бурдьё справедливо считает, что данный класс «на бумаге» имеет теоретическое существование, «...он позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых и, ...поведение ведущее к объединению их в группу (*в реальный социальный класс – С.С.*)» [2; с. 59]. «...Это лишь возможный класс, поскольку он есть совокупность агентов, которые объективно будут оказывать меньше сопротивления в случае необходимости их «мобилизации», чем какая–либо другая совокупность агентов» [2; с. 59]. Превращение логического класса в реальный социальный класс, пишет он далее, возможно лишь через выработку у его членов чувства позиции, «занимаемой в социальном пространстве» [2; с. 65] (*социально–классовых отношений – С.С.*). Думается именно необходимость выработки методологической четкости в понимании процессов социального генезиса заставили П. Бурдьё в дальнейшем принять участие в выработке парадигмы социального капитала, позволяющей уточнить описанный выше процесс классовых метаморфоз.

И. Краус придерживается аналогичной с П. Бурдьё точки зрения в вопросе понимания классов. Он пишет: «Классы... являются конфликтными группами, тот или другой, объединяясь, оспаривают существующее распределение власти, преимуществ и других возможностей... классы фор-

мируются, когда совокупность индивидов определяет свои интересы как сходные с интересами других из той же совокупности и как отличающиеся и противостоящие интересам другой совокупности лиц...» [16; с. 12]. Данный исследователь так же подчеркивает важную роль в процессе формирования социального класса наличие у последнего собственной идеологии [16; с. 15–16], иначе говоря развитого социального капитала.

Таким образом, правомерен вывод, что в политической экономии попытки исследования такого общественного явления, обозначаемого в современной науке понятием социальный капитал, под которым понимается суммы выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих трансакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена, и позволяющих получить осязаемую социально–экономическую выгоду, предпринимались уже в середине XIX века. Вместе с тем, по ряду причин гносеологического и исторического характера, до конца XX века ученым не удалось вплотную подойти к формулированию парадигмы социального капитала. В настоящее время активизация исследований в этом направлении во многом предопределена необходимостью выработки теоретических и практических рекомендаций по изменению государственной социально–экономической политики и усилий общественности в условиях необходимости перехода к постиндустриальному технико–технологическому укладу и создания нового социально–научного сообщества, персонифицирующего этот переход.

Выводы. Исходя из традиционного подхода к исследованию социального капитала (восходящего к работам Дж. Коулмана, Р. Патнема, К. Маркса, П. Бурдые, а также некоторых других мыслителей), следует отметить, что функциональное назначение социального капитала в экономической системе общества, в макро– и микро–экономических системах заключается в оптимизации (снижении трансакционных издержек) взаимодействия субъектов в процессе их хозяйственной деятельности. При этом по гносеологической традиции, заложенной Дж. Коулманом и опирающейся на протестантский схоластический номинализм, происходит сведение всего социального богатства общества к социальному капиталу. В данном случае исследователями не учитывается, что накопление социального капитала (как атрибута обществ с выраженной социально–классовой дифференциацией) частными агрегированными субъектами, ориентированными на оптимизацию своих эгональных социально–экономических интересов, не может не причинять в долгосрочной перспективе вреда (в том числе и экономического) обществу.

Автором было установлено, что специфическим свойством социального капитала является то, что его совокупное количество в обществе не является суммой «социальных капиталов» всех его субъектов. Это происходит не только потому, что существуют некоторые проявления социального капитала только на уровне всего социума, но и потому, что этот капитал социально–классовыми и хозяйственными субъектами может использоваться (и используется) не только на благо всего общества (или в производственных целях), но и с целью эгональной оптимизации своей социально–экономической жизненности, что вступает в противоречие с интересами других классов и групп, государства и социума. В социальных системах с сильными социально–классовыми антагонизмами и перекошенной социально–классовой структурой (высокая степень дифференциации между субъектами в имущественной и объемно–правой структурах) это будет приводить к использованию социального капитала, накопленного внутри социальных классов, прежде всего для классовой борьбы, что приведет к значительному снижению созидательного действия социального капитала на уровне общества, снизит производственный эффект от использования этой формы капитала на уровне групп, а значит понизит эффективность функционирования национальной экономической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые, П. Социальное пространство и генезис «классов» / Бурдые П. // Социология политики. – М.: Socio–Logos, 1993.
2. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые. – М.: Socio – Logos, 1993.
3. Дискин, И.Е. Предисловие к статье Дж. Коулмана «Капитал социальный и человеческий» / И.Е. Дискин // Общественные науки и современность, 2001 – №3. – С.121.
4. Дискин, И.Е. Хозяйственная система России: проблемы институционального генезиса / И.Е. Дискин // Общественные науки и современность, 1998. – №4. – С.8.

5. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // *Общественные науки и современность*, 2001. – № 3. – С. 122–139
6. Маркс, К. Нищета философии. Соч.–2–е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1955. – Т.4.
7. Радаев, В.В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике / *Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу* / Сост. и научн. ред. В.В. Радаев. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 169–172.
8. Радаев, В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В.В. Радаев // *Экономическая социология*. – 2002. – №2. – С.27.
9. Рассчитано по: Коршунов А.Н. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь (по итогам 2003 года) / А.Н. Коршунов, М.И. Артюхин [и др.]. – Минск : ГУ «БелИСА», 2004; Темашевич В.Н. Наука и новации в Республике Беларусь. 2003: Статистический сборник. / В.Н. Темашевич [и др.]. – Минск : ГУ «БелИСА», 2004; Артюхин М.И. Развитие науки в Беларуси: статистический сборник / М.И. Артюхин [и др.]. – Минск : ГУ «БелИСА», 2003.
10. Сорокин, П.А. Система социологии / П.А. Сорокин. – Пб., 1920. – Т. 2.
11. Baron, S. *Social Capital: Critical Perspectives*. Oxford / S. Baron, J. Field, T. Schuller. Oxford University Press, 2000; Lin, N. *Social Capital: A Theory of Social Structure an Action*. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.
12. Bourdieu, P. *Forms of Capital* / P. Bourdieu. // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Ed. by J.G. Richardson. – N. Y., 1983.
13. Bourdieu, P. *Forms of Capital* / P. Bourdieu // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Ed. by J.G. Richardson. – N. Y., 1983. – P.249–250.
14. Coleman, J. *Social Capital in the Creation of Human Capital* / J. Coleman // *American Journal of Sociology*. Vol. 94. Supplement. – P. 95–120.
15. Dahrendorf, R. *Class and class conflict in industrial society* / R. Dahrendorf. – N.Y., 1959. – P.65.
16. Kraus, I. *Stratification, Class, and Conflict* / I. Kraus. – N. Y.
17. Putnam, R. *Who Killed Civic America?* / R. Putnam // *Prospect*, March 1996. – P. 66.
18. Weber, M. *The theory of social and economic organization* / M. Weber. – New York: Academic press, 1947. – P. 424–499.

POLITICAL AND ECONOMIC RESEARCHES ESSENCE OF SOCIAL CAPITAL

S.J. SOLODOVNIKOV

Summary

The article presents the author's model of social and economic factors that determine the existence and evolution of social capital. It was hold a comparative analysis of the level of social potential in the Republic of Belarus, the measures were proposed to its increase and the effective capitalization.

© Солодовников С.Ю.

Поступила в редакцию 15 сентября 2011г.